

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Случай в санчасти

Эту историю мне рассказа одна знакомая, интересная брюнетка со спортивной фигурой. Два, или три года назад мы хорошо посидели вечером, и оба были нетрезвые. Почему-то вспомнил только сейчас и решил записать.

Меня направили, как тогда говорили, в лагерь труда без отдыха. Была такая форма трудового обучения раньше. И так получилась, что из моей школы никого не было — все чужие, незнакомые. Нужно было, знакомится, и заводить новых подружек. А тогда, да и сейчас не очень открытая. Мне всегда это было трудно. У них компания, а я одно оказалась.

В общем, стресс. А тут еще в нашем отряде все девочки такие, фигуристые, что ли, оказались. А у меня, впереди практически ничего. Пару раз слышала за спиной, доска, два соска.

Организовано все было просто. Огороженная территория. Двухэтажный корпус, где жили отряды. Мальчики на первом, девочки на втором. Душ летний с двумя отделениями. И туалет на улице. Отдельно стоял домик штаба, где была комната отдыха, с книжками и играми и жил начальник лагеря и его заместитель. Еще один домик санчасть.

Распорядок был такой подъем, завтрак, и от столовой ехали в сад на яблоки. Там до обеда, потом обед и еще на два часа. К четырем возвращались в лагерь. Вечером дискотека. И так три недели. Ни с кем я там так и не сошлась, из девочек. А про мальчишек я тогда и не думала. Просто была там и считала дни до окончания.

Мне все там не нравилось. Но особенно, собирать эти дурацкие яблоки.

Через две недели, наслушавшись разговоров, я решила закосить от работы, притворившись, больной.

Врач там был один, мужик, лет под тридцать. Для меня он казался тогда таким старым... Его, наверное, тоже в добровольно-принудительном порядке туда послали.

Утром, до завтрака, съев хлеб с йодом, иду на прием. Дескать, простыла, температура. Работать не могу.

Оказалась последней в очереди. Впереди у одной мозоль порвалась на руке, у пацана глубокая царапина, смазывать надо было.

Наконец, захожу. Доктор сидит за столом, пишет что-то. На лице скука смертная. Дает мне градусник, сижу, меряю. Он продолжает писать, на часы поглядывает. Через пять минут берет градусник, смотрит и говорит:

— Да небольшая температурка есть, но так себе.

Думаю: «Вот блин попала, пока ждала, действие йода кончилось».

А он мне:

— Раздевайся. Буду тебя слушать.

А я, как дура, платье надела. Шорты надоели, решила в платье хоть походить до завтрака. А оно такое, половину не снимешь. Стою, мнусь. Он мне:

— Давай поторапливайся, чего тебе то стесняться, были тут сиськи и покрупнее.

Равнодушно так и грубо. На меня не смотрит.

Я в прострации. И этот туда же. Снимаю полностью, на стул кладу. Стаю перед ним в одних трусиках. Он мне: — Иди сюда.

Достает стетоскоп, слушает: «Дышите, не дышите». Стетоскоп холодный, неприятно. Я немного отслоняюсь. Он меня раздраженно за спину держит. В упор почти. Мои грудки перед

его лицом. Мне не по себе стало. А тут еще и соски мои маленькие набухли. Вообще стыдоба. Покраснела.

А он хоть бы хны. Все по барабану. «Повернись спиной», — и опять: «Дышите, не дышите». Послушал, вопросы задает, когда, как и что. Отвечаю. Вчера мол, думала к утру пройдет, не прошло. А одеваться не говорит.

Тут про грудь вопрос:

— Не болела в последнее время?

Отвечаю, что, нет.

А он опять про свое:

— Давно ты ее щупала?

Я в ужасе на него смотрю. Дело в том, что мне нравилось трогать грудь. Не часто, а так иногда. Но он то откуда узнал? Он смотрит на меня и вижу, что понял что-то.

— Тьфу! — говорит. — Ты давно ее проверяла, нет ли там каких-нибудь образований?

Так и сказал — образований.

— Как это? — не поняла я.

— Чему вас только учат, — говорит. — Берешь и ощупываешь ее, нет ли там уплотнений комочков.

Я и не делала так никогда, не знала.

— Понятно. Давай, проверь. Все может быть, — приказывает.

Я стою перед ним и трогаю грудь.

Он, похоже, разозлился.

— Не так надо. Иди ко мне.

Я отпрянула. Он мне:

— Стой, что ты дурочка, неужели ты думаешь, что меня твои прелести заинтересовали, — усмехнулся пренебрежительно. — Температура у тебя провокационная, что угодно может быть. Да и возраст такой.

И цап, меня за спину, подтянул к себе поближе и давай двумя пальцами грудь ощупывать снаружи, и по кругу к соскам. Руки у него оказалась такие большие и теплые. Я себя куклой ощущаю. Он пальцами жмет, а соски набухли и о ладонь его задевают. У меня истома, и, чую, как-то потяжелело там внизу. А он не замечает, с одной грудью закончил, за вторую принялся.

— Нет, буркнул, — нормально все.

А я чувствую, что влажная стала.

— Ладно, — говорит. — а месячные когда должны быть? — В лоб спрашивает.

— Были, — отвечаю, стараясь, чтобы голос не задрожал. — До лагеря закончились.

А сама уже не знаю, куда деваться от стыда. Стою перед ним голая, почти, мокрая уже, еще и про это дело спрашивает.

Он дальше:

— А как проходили, болезненно или как?

— Тяжело проходили, больно было. Они у меня тогда всегда так проходили. Говорю. Я сама чуть не реву от стыда.

Он мне:

— Ложись, надо тебя пальпировать. Трусы снимай, и колени немного подними.

Все, я ауте. Уже ничего не соображаю. Делаю, как сказал, трусы долой, а они мокрые ложусь

и колени сгибаю. Впервые мужик на меня там смотрит. А он, равнодушно мазнул взглядом и давай низ живота щупать. Больно, не больно. Давит на живот в разных местах, а его большой палец иногда мой лобок задевает. А он меня еще туда, сюда крутит, как игрушку, своими сильными руками. Хорошо мне стало совсем, ничего не могу с собой поделывать. Теку, так теку, как никогда. Даже, когда сама себя ласкала. Глаза закрыла.

Конечно, он все просек, мужик опытный. Когда подрагивать стала в его руках, он свой большой палец на клитор и положил, потер его буквально пару раз, я и кончила в его объятиях. Только рот покрепче сжала, чтобы он стон не слышал. Поддержал он меня немного, и отпустил.

— Ладно, — говорит, таким тоном, как будто ничего не было. — Еще раз температуру померяем. На живот переворачивайся.

Я на живот, как была голая. Он берет градусник и меня за задницу хватает. Половинки мои раздвигает. Я подаюсь от него. А он мне:

— Куда ты, теперь то уж поздно, лежи и не рыпайся, — пошутил так.

Я, наверное, до самых пяток покраснела. Так волна и накрыла. Шевелится теперь, и думать не думала.

Он мне половинки раздвинул, смазал дырочку вазелином и градусник туда. Лежу, расслабленная, градусник из задницы торчит. Вдруг чувствую, он начинает вываливаться из меня. Пытаюсь сжать сильнее, только все испортила. Он быстрее пополз и выпал, почти.

Он, конечно, увидел это, опять его назад засунул и руки с моей задницы не убрал.

Придерживает градусник, и пальчиком поглаживает.

Я лежу, ни жива, ни мертва. Стыдно, и, одновременно приятно, снова возбуждаюсь. А он все, сволочь, замечает, наверное. Пальцы между ног мне просовывает и гладит по мокрой щелке, губки перебирает.

А я и сопротивляться не могу. Желание распирает, хочется, чтобы продолжал.

Тут, наверное, время подошло, он градусник забирает. Хмыкнул, и командует:

— Лежи, — говорит.

Перчатку на руку надевает и опять к мне. Добавил на попку вазелина.

— Расслабься, — говорит.

И палец мне в попку засовывает. Неглубоко, так, чуть-чуть. А большой палец, проведя по щелке, на клитор кладет. А ноги у меня сдвинуты, неудобно. Так он пальцами шевельнул между ними, раздвигай, мол. А мне уже все равно, хочу, чтобы этого, аж, пальцы на ногах сводит. Раздвигаю.

Он давай меня гладить там. а когда я сильнее завелась, и пальчиком в попке, туда, сюда, понемногу. От удовольствия, я даже постанывать начала. Он быстрее. Тут я и кончила.

Выгнулась все, кричала, по-моему. Никогда такого со мной не было!

Пока я не успокоилась, он руку не убирал. А потом, спокойно так говорит:

— Все, процедуры закончены, можешь одеваться.

Смотрит на меня, так, уважительно, что ли. Глаза у него, какие-то другие стали.

Я одеваюсь, первым делом трусы, потом платье, а он мне диагноз:

— У тебя, дорогая, приступ симуляции. Но это не смертельно. Работать можно. Но лучше, чтобы приступ не повторялся. Ты девочка хорошая, тебе это не надо.

Говорит, и на меня смотрит, как раздевает. А «девочка хорошая», сказал так, как будто я не девочка уже, да и хорошего во мне мало осталось.

Все, — буркнул. — Иди, на завтрак опоздаешь...

И в свои бумаги уткнулся.

Я оттуда бегом, в свой отряд. Потом санчасть стороной обходила. Видела его несколько раз, в оставшееся время, но он даже вида не показал, что помнит меня.

Вот так. А я вспоминала это часто. По вечерам, дома. Как вспомню, как он меня ласкал, так сразу мокрой становилась. По несколько раз за вечер кончала. Потом, притупилось потихоньку. Вот и все.

Адрес автора: i1993i@ya.ru